

КЛАУДИА ПИНЬЕЙРО

ЭЛЕНА ЗНАЕТ

Книга о том, от чего хочется отвернуться, об одиночестве,
преодолении и желании жить — вопреки всему.

МАША МАЛИНСКАЯ.
ПЕРЕВОДЧИЦА

Своя комната: судьбы женщин

Клаудия Пиньейро

Элена знает

ООО "Эвербук"

Пиньейро К.

Элена знает / К. Пиньейро — ООО "Эвербук", — (Своя комната: судьбы женщин)

ISBN 978-5-00-580126-5

Риту нашли повешенной на церковной колокольне. Полиция уверена – это самоубийство, и не занимается расследованием. Но мать Риты, Элена, знает, что ее дочь не могла покончить с собой. Элене нужно выйти из дома и проехать через весь город, чтобы поговорить с одним-единственным человеком, который поможет ей понять, что именно случилось с ее дочерью. Но у Элены – болезнь Паркинсона. Ее поездка превращается в огромное и сложное путешествие, и под силу оно только матери, которая знает, что она права во всем, что касается ее дочери. «Элена знает» – это и детективная история, и семейная драма, и роман о болезни и телесности, но еще это роман о материнской любви, которая иногда оказывается сильнее болезни, а иногда – и смертельнее.

ISBN 978-5-00-580126-5

© Пиньейро К.
© ООО "Эвербук"

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Клаудия Пиньейро

Элена знает

Посвящается моей матери

Теперь, сказал он, он истинно знает ту, которую, живя с ней бок о бок, несомненно, любил, но не знал. Человек способен по-настоящему быть вместе с другим лишь после его смерти, когда другой оказывается внутри первого.

Томас Бернхард. Помешательство

Бетонная постройка – не более чем картонный домик. Достаточно одного меткого порыва ветра.

Томас Бернхард. Тьма

I

Утро

(вторая таблетка)

1

Поднять правую ногу, хоть на несколько сантиметров оторвать ее от земли, перенести вперед так, чтобы она хоть немного обогнала левую, и опустить. Вот и всех дел, думает Элена. Она думает, но, несмотря на команды, отдаваемые мозгом, правая нога не двигается. Не поднимается. Не переносится вперед. Не опускается на пол. Не двигается, не поднимается, не переносится, не опускается. Это все ее задачи – но она их не выполняет. Тогда Элена садится и принимается ждать. Она у себя на кухне. Ей нужно успеть на десятичасовой поезд до Буэнос-Айреса; одиннадцатичасовой ей уже не годится, потому что таблетку она приняла в девять, так что она думает, точнее знает, что ей нужно успеть на десятичасовой, дожидаться только, пока таблетка заставит ее тело подчиниться приказам мозга. Осталось немного. Одиннадцатичасовой не годится, потому что к тому времени эффект леводопы ослабнет и почти исчезнет, а сама она будет в том же состоянии, что и сейчас, но без надежды, что леводопа вскоре подействует. Леводопа – так называется вещество, которое начнет циркулировать по ее венам, когда таблетка подействует. Элена давно уже выучила это название. Леводопа. Так ей сказали, и она сама записала название на бумажке, потому что знала, что не сможет разобрать почерк врача. Она ждет, пока леводопа всосется в кровь и начнет циркулировать по венам. Ждет, сидя на кухне у себя дома. Сейчас она может только ждать, это единственное, что ей остается. Она перебирает в голове названия улиц, перечисляет их про себя – от первой до последней, а потом в обратном порядке. Лупо, Морено, Двадцать Пятого Мая, Митре, Рока. Рока, Митре, Двадцать Пятого Мая, Морено, Лупо. Леводопа. От станции ее отделяет всего лишь пять кварталов, это не так уж много, думает она, мысленно перебирает названия и ждет. Пять улиц. Пять улиц, по которым она, как бы ни старалась, пока что не может пройти, но может повторять про себя их названия. Сегодня она надеется никого не встретить по пути, чтобы никто не стал расспрашивать о ее здоровье или приносить запоздалые соболезнования по случаю смерти ее дочери. Каждый день объявляется кто-нибудь еще, кто не смог быть на прощании или на похоронах. Или не осмелился. Или не захотел. Когда человек умирает так, как умерла Рита, все вокруг воображают, что приглашены на похороны. Вот поэтому десять часов – плохое время, думает Элена: по пути к станции ей придется пройти мимо банка, а сегодня как раз выдают пенсию, и, значит, она наверняка столкнется там с кем-то из знакомых. А может, и не с одним. Банк открывается только в десять, когда ее поезд уже подойдет к станции, а сама она с билетом в руке шагнет к краю платформы, чтобы войти в вагон, но по пути на станцию, Элена знает, она непременно увидит очередь из пенсионеров, которые будто боятся, что пенсионных денег на всех не хватит. Она могла бы миновать банк, сделав крюк в один квартал, но этого Паркинсон ей не простит. Так называется ее болезнь. Элене давно известно, что теперь не она отдает приказания разным частям своего тела, к примеру ногам. Теперь приказания отдает Он. Или Она. Элена спрашивает себя, как правильно называть Паркинсона, «Он» или «Она»: хотя само имя звучит как мужское, это все-таки болезнь, а слово «болезнь» женского рода. Как и «немочь». Как и «неволя». В конце концов Элена решает, что будет называть Паркинсона «Она», потому что, размышляя о Паркинсоне, она всегда думает: «Что ж за сука-болезнь». А сука – это она, а не он. Уж извините за такие выражения. Она. Доктор Бенегас много раз

объяснял Элене, но она все никак не может понять; точнее, она понимает, что с ней, потому что болезнь эта угнездилась прямо у нее внутри, но вот слов, которые говорит доктор, она не понимает. В первый раз вместе с ней пришла Рита. А теперь Рита мертва. Доктор сказал тогда, что Паркинсон – дегенеративное заболевание клеток нервной системы. Им обеим это слово совсем не понравилось. Дегенеративное. Ни ей не понравилось, ни дочери. Доктор Бенегас наверняка это заметил, потому что сразу попытался разъяснить им, что он имел в виду. Он сказал: это болезнь центральной нервной системы; дегенеративная – значит, что она приводит к мутации или к изменениям в нервных клетках, и в результате они перестают вырабатывать дофамин. Тогда-то Элена и узнала, что, когда ее мозг приказывает телу двигаться, приказ этот доходит до адресата, только если дофамин доставит его по назначению. Дофамин – он как гонец, подумала она в тот день. Так и вышло, что Паркинсон стал «Ею» или «сухой-болезнью», а дофамин – гонцом. А от мозга какой прок, думает Элена, если ноги его не слушаются. Он как свергнутый император, который все никак не поймет, что лишился власти. Или как голый король из сказки, которую она читала Рите, когда та была маленькой. Свергнутый император, голый король. И Она – не Элена, а сукаболезнь, – и гонец, и свергнутый император. Элена перебирает их имена, как только что перебирала названия улиц, отделяющих ее от станции; слова эти ждут вместе с ней. И она перебирает их – от первого до последнего, а потом задом наперед. Голый король ей не нравится, потому что он голый. Лучше уж свергнутый император. Она ждет, повторяет, объединяя слова в пары: сукаболезнь и гонец, гонец и император, император и сука-болезнь. Элена предпринимает еще одну попытку, но ноги по-прежнему не слушаются, точнее не слышат, они глухи к приказам мозга. Ее ноги оглохли. Элене хотелось бы на них наорать, эй, ноги, давайте уже, пошевелитесь. Ух и наорала бы она на них, а ну шевелитесь, черт вас побери, но она знает, что это не помогло бы, потому что ее голоса ноги тоже не слышат. Поэтому она не кричит, а выжидает. Повторяет слова. Улицы, короли и снова улицы. Она включает в свою мантру и новые слова: дофамин, леводопа. Она догадывается, что дофаилы допа— это одинаковая часть обоих слов и означает в них одно и то же. Но это лишь догадка, она не уверена, и вот она повторяет эти слова заплетающимся языком, и ждет, и не возражает против этого ожидания, ей нужно только, чтобы прошло время, чтоб таблетка растворилась и леводопа начала циркулировать по ее телу, добралась бы до ног, и те наконец поняли бы, что должны начать движение.

Элена волнуется, и это плохо, потому что, когда она волнуется, лекарство действует медленнее. Но она не может ничего с собой поделать. Сегодня она разыграет свой последний козырь и попытается выяснить, кто убил ее дочь. Она поговорит с единственным в мире человеком, которого, быть может, сумеет убедить ей помочь – в обмен на прощение давнего, почти забытого долга. Элена попытается взыскать этот долг, хотя Рита, если б была жива, конечно, стала бы возражать. Жизнь, мам, это не сделка, некоторые вещи мы делаем просто потому, что так нужно, потому что так велит Господь. Что ж, будет непросто, но она попытается. Женщину, которую она ищет, зовут Исабель. Элена не уверена, что Исабель ее вспомнит. Вряд ли. А вот Риту она помнит, каждое Рождество посылает ей открытку. Она, наверное, не знает, что Рита умерла. Если никто не рассказал ей, если она не прочла единственный некролог, который дали в газету спустя два дня после похорон от имени приходской школы, в которой работала Рита (администрация и преподаватели, ученики и их родители вместе с Эленой в столь тяжелый момент), если сегодня Элене не удастся ее найти, в декабре Исабель пришлет открытку умершей и пожелает ей счастливого Рождества и Нового года. Риту она помнит, а вот Элену нет, думает Элена, конечно нет. А даже если б и помнила, Исабель все равно бы ее не узнала – совсем скрюченную, в теле старухи, она ведь выглядит куда старше своих лет. В этом и состоит ее задача, думает Элена: объяснить, кто она такая и зачем приехала. Рассказать о Рите. О ее смерти. Как бы там ни вышло, Элена расскажет ей то немного, в чем уверена. Элена знает, где найти Исабель, но не знает, как туда добраться. Она отправится туда, куда под Ритиным руко-

водством сама отвезла Исабель двадцать лет назад. Если Элене повезет, если Исабель не переехала или не умерла, как ее дочь, там она ее и найдет, в старом доме в Бельграно, за тяжелой деревянной дверью с коваными бронзовыми украшениями, рядом с приемной врача. Элена не помнит названия улицы, а если бы она не забыла вопроса, который ей задала тогда Рита (ты когда-нибудь слышала об улице Борца за Независимость, мам?), она бы помнила. Скоро она узнает это название: она помнит, что улица эта находится в паре кварталов от проспекта, что идет вдоль всего Буэнос-Айреса от Ретиро до Хенераль-Пас, возле небольшой площади и железной дороги. Поездов они не видели, но слышали шум, и Рита спросила, что это за ветка, а Исабель не ответила, потому что плакала. В этот раз, чтобы понять, как туда добраться, Элена отправилась в ремисерию ¹ на углу. Ее открыли несколько лет назад на месте бывшей пекарни, где Элена покупала хлеб насущный для своей семьи с тех самых пор, как сразу после свадьбы переехала в этот район, и до того дня, когда хлеб сменился автомобилями. Тамошний водитель не знал, извините, я тут недавно, сказал он и спросил у хозяина. Он повторил слова Элены, так и сказал: проспект, который вдоль всего Буэнос-Айреса от Ретиро до Хенераль-Пас, около железной дороги, – и хозяин ответил ему: Либертадор, – и Элена сказала: да-да, Либертадор; он сказал – и она сразу вспомнила, а оттуда до Бельграно, до небольшой площади. Ольерос, сказал другой водитель, который только вошел, вот насчет этого я уже не уверена, ответила Элена, Ольерос, убежденно повторил водитель, но она не помнила названия улицы, зато помнила деревянную дверь, и кованые бронзовые украшения, и Исабель, и – немного – ее мужа. Отвезти вас? – спросили они, но Элена сказала, нет, это далеко и дорого, она лучше поедет на поезде, а если сил у нее не останется и тело откажется спускаться в метро, она возьмет такси от Конститусьон. Мы недорого возьмем, сказал хозяин, нет, спасибо, ответила она, а можем и в долг, я лучше на поезде, сказала Элена, чтобы не длить спор, не люблю быть в долгу, но там нет рядом метро, сеньора, есть, Карранса, но оттуда же еще десять кварталов, если будете брать такси, смотрите, чтоб не наматывали круги, таксисту сразу скажите – прямо по Девятого Июля до Либертадор, а оттуда снова прямо до Ольерос, нет, поправил шофер, который знал те места, Либертадор потом переходит в Фигероа Алькорта, так что перед планетарием пускай свернет налево, дальше до памятника испанцев ², а потом пускай опять выезжает на Либертадор, либо перед планетарием, либо у Палермского ипподрома, добавил хозяин, главное – не давайте им наматывать круги, точно не хотите, чтоб мы вас отвезли? Элена молча вышла: она уже ответила раньше. Слишком тяжело ей давалась каждая мелочь, чтобы дважды отвечать на один и тот же вопрос.

Конститусьон, Девятого Июля, Либертадор, Фигероа Алькорта, планетарий, памятник испанцев, Либертадор, Ольерос, деревянная дверь с бронзовыми украшениями, дверь, Ольерос, Либертадор, Девятого Июля, Конститусьон. Туда-сюда, туда-обратно. Она не помнит, куда в этой мантре нужно поставить ипподром. Погоди-ка, думает она и снова перечисляет улицы. Пять улиц, что отделяют ее от станции, и еще другие, которых она не знает или не помнит, улицы, которые нужны ей, чтобы взыскать долг, о котором вспомнила поневоле. Свергнутый император. Сука-болезнь. Элена пытается сидя поднять правую ногу, и нога, не опираясь, приподнимается. Элена знает: она готова. Она кладет обе ладони на бедра, составляет ступни вместе так, чтобы в коленях образовался прямой угол, потом закидывает правую руку на левое плечо, а левую руку – на правое, начинает раскачиваться тудасюда, ловит импульс и встает. Так ее заставляет вставать доктор Бенегас, когда она приходит к нему на прием. Она знает, что это сложно, но старается делать так почаще, тренируется, чтобы быть готовой к следующему осмотру. Ей хочется впечатлить доктора Бенегаса, показать ему, на что она способна, вопреки

¹ Ремисерия – заведение, где можно взять в аренду автомобиль с водителем, служба такси.

² Памятник Великой хартии вольностей и четырем аргентинским регионам часто называют «памятником испанцев», так как он был подарен городу испанской общиной в 1910 году в честь столетия со дня Майской революции.

тому, что он сказал ей в их последнюю встречу за пятнадцать дней до Ритиной смерти. Перед стулом, с которого только что встала, Элена поднимает правую ногу, пронесит ее в воздухе вперед, за левую, хоть на несколько сантиметров, чтобы это движение можно было счесть шагом, потом опускает, и наступает черед левой ноги делать все то же самое, ровно то же самое. Подняться, перенестись вперед в воздухе, опуститься. Подняться, перенестись, опуститься.

Вот и все. Вот в этом сейчас состоит ее задача. Идти вперед, чтоб успеть на десятичасовой поезд.

2

Рита умерла вечером, собирался дождь. На полке в ее комнате стояла стеклянная фигурка морского котика; когда влажность воздуха приближалась к ста процентам, котик становился сиреневаторозовым, и было ясно: ливня не избежать. Таким он был в день ее смерти. Рита купила его летом в Мар-дель-Плата. Они с Эленой поехали в отпуск, как делали раз в два года. Каждый четный год они летом ездили отдыхать, пока болезнь Элены не превратила ее движения в жалкие потуги. По нечетным годам оставались дома, а деньги пускали на хозяйственные дела, покраску дома или неотложный ремонт: подлатать прохудившуюся трубу, выкопать новую выгребную яму, когда хлорка покончит с червями, дырявившими земляные стенки старой, купить новый матрас. В последний нечетный год Элене с Ритой пришлось поменять на полу заднего двора чуть ли не половину плиток, приподнятых корнями дерева, которое им даже не принадлежало: соседская мелия коварно пробралась на их территорию, презрев забор.

На время отдыха они сняли двухкомнатную квартиру на улице Колон; в одном квартале от их дома проспект начинал взбираться на холм и дальше спускался к морю. Рита спала в спальне, а Элена – в столовой-гостиной, ты так рано встаешь, мам, лучше тебе спать возле кухни, чтоб меня не будить. Как обычно по четным годам, Рита отметила в газете объявления, предлагавшие квартиры им по карману, чтобы потом выбрать ту, чьи хозяева живут поближе: так не нужно тащиться далеко, чтобы заплатить и забрать ключи. В конце концов, все они примерно одинаковые: плюс-минус одна тарелка, обивка кресел – такие вещи не влияют на впечатление от отдыха. Рита с Эленой вместе поехали договариваться с хозяевами. Они в любом случае сняли бы эту квартиру, но попросили посмотреть фотографии, и хозяева показали – потом оказалось, что фотографии имели мало общего с реальностью, например, на них не фигурировала грязь. Но и это не страшно: когда ее тело еще было в силах, Элене нравилось убираться, это ее успокаивало, и даже боли в спине чудесным образом проходили. За один вечер квартира изменилась: вроде все как прежде, только чисто. На пляж они не ходили: слишком жарко, слишком много народу. Рита не любила таскать с собой зонтик, а Элена не отваживалась даже ступить на песок, не заручившись местом в тени. Но все равно им удавалось сменить обстановку, и это было хорошо. Они спали чуть дольше обычного, завтракали свежеспеченными круассанами, готовили много свежей рыбы и каждый вечер, когда солнце пряталось за многоквартирными домами, выходили прогуляться по бульвару. Шли с юга на север прямо по набережной, а потом возвращались с севера на юг по дорожке вдоль проспекта. И ругались. Они ругались каждый вечер. По любому поводу. Тут важна была не тема, а выбранная ими манера общения, и за этим спором всегда стоял другой, что тайно зрел внутри каждой помимо их воли. Он был больше любой темы любого разговора. Каждое брошенное слово будто хлыст: вначале била одна, потом другая, удар за ударом. Каждая обжигала тело соперницы словами, будто кожаным ремнем. Ни одна не признавала собственной боли, они лишь наносили удары. До тех пор пока одна из них, как правило Рита, не покидала поле боя, испугавшись скорее собственных слов, чем испытанной или причиненной боли. Тогда она отставала на пару метров и шла позади, бормоча что-то себе под нос.

Рита увидела морского котика в первый день отпуска в магазинчике, торговавшем бусами из ракушек, пепельницами в виде башни Торреон-дель-Монхе, шкатулками с инкрустацией, штопорамифигурками, витые стержни которых располагались ровно в причинном месте у мальчика, священника или гаучо (ни одна из них не осмеливалась взглянуть на эти фигурки), и подобными сувенирами. Рита замерла у витрины и, постучав по стеклу ногтем со свежим маникюром, заявила Элене: перед отъездом я куплю себе такого. «Предсказывает погоду: голубой – солнце, розовый – дождь», – гласила приклеенная к стеклу бумажка – заглавные буквы, выведено от руки синей ручкой. Элена возражала: зачем тебе эти глупости, не трать деньги, не так легко они тебе достаются. Я хочу себя порадовать, мам. Вкус у тебя совсем атрофировался. Об атрофиях лучше не будем. И правда, атрофии пусть занимают твоего дружка из банка. У меня, по крайней мере, есть мужчина, который меня любит. Что ж, дочка, если это делает тебя счастливой. Непросто быть счастливой рядом с тобой, мам, бросила Рита, полагая, что это последний удар, и, сделав несколько чересчур длинных шагов, оставила ее позади. Элена следовала по намеченному дочерью пути, держась на должном расстоянии, и лишь несколько шагов спустя вновь занесла хлыст. С таким характером, дочка, ты никогда не будешь счастливой. Знаешь, мама, от плохого семени не жди доброго племени, парировала Рита, и обе умолкли. Возле отеля «Провинсиаль» они свернули на юг. Прогулка, обмен ударами, отдаление – и, наконец, молчание. Менялись слова и поводы для ссор, но тон и распорядок были неизменны. Больше о котике не упоминали, но однажды вечером, проходя мимо ракушечно-сувенирного магазинчика, Элена рассмеялась и сказала: не хочешь привезти штопор-священника отцу Хуану? Дочь смеяться не стала. Ты просто чудовище, мам.

Незадолго до конца двухнедельного отпуска Рита, как и собиралась, купила котика-предсказателя погоды. Она расплатилась наличными. У Риты была карта, которую ей выдали в школе, когда решили официально оформить и стали платить зарплату на сберегательный счет, но она никогда не носила карту с собой: боялась грабителей. Она попросила хорошенько завернуть котика, чтобы не разбился. Вместо оберточной бумаги продавец взял пластик с пузырьками, которые Рита стала потихоньку лопать один за другим. В автобусе котик ехал по-королевски, заняв почетное место у нее на коленях. Элена хранит его до сих пор, как хранит все Ритины вещи. Она сложила все в картонную коробку, которую ей подарил сосед, от двадцатидевятидюймового телевизора. Сосед вынес ее на улицу, чтобы забрал мусорщик, а Элена попросила разрешения взять ее себе. Для Ритиных вещей, сказала она, и сосед тут же протянул ей коробку, молча, но как бы принося соболезнования. Он даже помог ей затащить коробку в квартиру. Элена сложила туда все. Все, кроме одежды: одежду она оставить не смогла, та все еще хранила запах Риты, запах ее дочери. Одежда всегда хранит запах умершего, Элена знает, хоть она и перестирывала ее тысячу раз разным мылом. Не определенных духов, не дезодоранта, не белого мыла, которым ее стирали, пока была жива та, что ее носила. Не запах дома, не запах семьи – одежда Элены пахнет иначе. Запах умершего, пока он еще был живым. Запах Риты. Невыносимо было чувствовать этот запах и знать, что Рита не появится вслед за ним. Так было и с запахом Элениного мужа, но тогда она и подумать не могла, насколько больнее, когда умерший – это твой ребенок. Так что одежду она в коробку не положила. И в церковь не понесла – не хватало только, чтоб однажды на углу появился Ритин зеленый свитер, согревающий чужое тело. Элена сложила одежду в кучу на заднем дворе и сожгла. Чтобы поджечь ее, потребовалось четыре спички. Первыми загорелись капроновые колготки, огонь расплавил их, превратил в синтетическую лаву; потом запылало и все остальное. Среди золы остались лишь косточки лифчика, какие-то крючки и застежки, молнии. Всю эту мешанину Элена ссыпала в мусорный мешок и вынесла на улицу, чтобы забрал мусорщик. Одежда не отправилась в коробку соседа. Зато туда отправились туфли, пара новых шерстяных перчаток, которые ничем не пахли, старые фотографии, Ритина записная книжка, документы, все, кроме удостоверения личности – его следовало передать похоронному бюро, – ежедневник, банков-

ские карточки, незаконченное вязание, фотография из местной газеты, на которой в школьном дворе запечатлены все учителя в день открытия здания средней школы, Библия с дарственной надписью от отца Хуана – да пребудет слово Божье с тобой, как было с твоим отцом, – очки для чтения, таблетки от щитовидки, открытка с изображением святого Экспедита, которую ей подарила школьная секретарша, когда Элене никак не начисляли пенсию, вырезка из газеты, вышедшей в день, когда родилась дочка Исабель. «Исабель и Маркос Мансилья имеют счастье сообщить о рождении дочери Марии Хульеты, Буэнос-Айрес, двадцатое марта 1982 года». Объявление было вырезано вручную, старательно, по контуру. Папка с открытками, которые Мансилья присылала им каждое Рождество. Коробка от конфет в форме сердечка: конфеты подарил ей друг из банка, а теперь вместо шоколада в коробке хранились осиротевшие гофрированные бумажки и ворох писем; Элена не отваживалась прочесть их, но не из уважения к секретам дочери, а ради себя самой, чтобы не узнать деталей этой истории, которых она всегда предпочитала не знать. Возможно, в отдельных случаях это может доставить матери пускай запретное, но все же удовольствие – прочесть письма, которые возлюбленный написал ее дочери, думает Элена. Удостовериться в том, что дочь выросла, стала женщиной, и притом желанной, что она исполнит предназначение своего вида – родиться, вырасти, размножиться и умереть, – что оставит свой след в мире. Элена смотрит на письма и спрашивает себя, почему ей пришло на ум это слово. Оставит свой след. Оставит потомство. Это был не их случай. К моменту их встречи Рита давно не была юной девушкой в ожидании суженого, да и Роберто Альмада даже много лет назад не был завидным женихом. Оба были безнадежны, оба в любовных делах лишь проигрывали, точнее, даже не пробовали играть в эти игры, а лишь смотрели с галерки. С точки зрения Элены, на этом этапе было бы достойнее вовсе не ввязываться в игру. Но Рита решила сыграть, а ведь сама Элена в ее возрасте уже овдовела. Элена подозревает, что игры эти были весьма невинны – поцелуи, неловкие обжимания на площади в час, когда солнце скрывается за памятником национальному флагу, или дома у Роберто, пока его мать не вернется из парикмахерской. Что бы там между ними ни происходило, Элена предпочитает ни о чем не знать, она не хочет читать об этом в письмах, ее больше пугают слова, которые Роберто писал в ответ ее дочери, чем то, чем они вместе занимались. Потому-то она не стала развязывать ленту, завязанную бантиком, не выпустила на свободу эти бумаги, полные слов. Она взяла их в руки лишь для того, чтобы вновь положить в коробку из-под конфет, а ее сунула в другую коробку, ту, что отдал ей сосед. Элена сложила туда все, что осталось после смерти Риты – после того, как огонь унес ее запах.

Все, кроме морского котика. Котикапредсказателя погоды она поставила в столовой на буфет между телефоном и радио, но чуть впереди, чуть ближе к краю – вот так же, на должном расстоянии друг от друга, держались Рита и Элена после каждой ссоры. На видное место. Чтобы видеть его каждый день и никогда не забывать: вечером, когда умерла Рита, собирался дождь.

3

Элена движется к станции. До станции всего пять кварталов. Вот что ее ждет. Вот что у нее впереди. Но сейчас – думать только о безотлагательных задачах. Пройти пять кварталов, уголком глаза найти в кассе открытое окошко, произнести:

«Пласа-Конститусьон, туда и обратно», – открыть кошелек, вытащить монеты, без сдачи, точную сумму, которую она отложила накануне вечером, протянуть руку, дожидаться, пока кассир заберет монеты и положит ей на ладонь билет, крепко, чтобы не уронить, сжать эту бумажку, которая позволит ей проделать намеченный путь, сунуть ее в карман жакета, а потом, удостоверившись, что билет не потеряется, спуститься по лестнице, держась за перила, если получится, с правой стороны, потому что правая рука лучше левой подчиняется приказам мозга, спуститься по ступенькам, свернуть налево, пройти по туннелю, не обращая внима-

ния на запах мочи, въевшийся в стены, в потолок и пол, по которому тащится Элена, на тот самый кислый запах, который она ощутила, впервые спустившись в этот туннель, когда для того, чтобы ходить, ей еще не были нужны таблетки, когда она еще ничего не знала ни о свергнутых императорах, ни о гонцах, она водила Риту по туннелю за руку, когда та была девочкой, а потом, когда Рита выросла, шла на пару метров впереди нее, этот запах мочи, от одной мысли о котором начинает щипать в носу, Элена всегда закрывает рот и крепко сжимает зубы, чтобы не наглогаться этого запаха, и, не разжимая зубов, обходит женщину, которая предлагает чеснок и перец, и парня, который торгует пиратскими дисками, которые ей не на чем слушать, и девушку, которая продает брелоки с разноцветными огоньками и будильники, которые звонят, пока Элена идет мимо, и мужчину с ампутированными ногами, который протягивает ладонь так же, как она протягивала несколько минут назад в кассе, еще раз свернуть налево, подняться на то же число ступенек, на которое она только что спустилась, и наконец выйти на платформу. Но все это, Элена знает, она сможет проделать лишь после того, как оставит позади пять кварталов, отделяющих ее от станции. Пока что она прошла лишь один. Кто-то с ней здороваются. Непокорная шея, которая позволяет ей глядеть лишь под ноги, не дает посмотреть, кто это. Грудино-ключично-сосцевидная мышца, вот как называется поработивший ее мускул. Тот, что тянет ее голову вниз. Грудино-ключично-сосцевидная мышца, – сказал ей доктор Бенегас, а Элена попросила записать название на бумажке – только большими буквами, доктор, а то я ваш почерк не разберу, – чтобы не забыть, чтобы знать имя своего палача, раз уж лицо его закрыто капюшоном, чтобы упоминать его в своих мантрах. Тот, кто с ней поздоровался, продолжает путь, а Элена, хоть и косится уголком глаза, не узнает удаляющейся от нее спины, но все же говорит «добрый день», потому что тот сказал ей «добрый день, Элена», а раз он знает ее имя, значит, заслуживает приветствия. На первом перекрестке она ждет, пока проедет машина, а потом переходит. Из-за склоненной головы она видит только потрепаннные шины, которые приближаются, проносятся мимо и удаляются. Она спускается с тротуара, быстро делает несколько коротких шажков, волоча подошвы по раскаленному асфальту, поднимается на тротуар следующего квартала, на мгновение, на одно лишь мгновение останавливается передохнуть, а затем продолжает путь. Несколько шагов спустя по черно-белой шахматной клетке под ногами Элена понимает: она проходит дом акушерки. Рита никогда больше не ступала на эту клетку с тех пор, как узнала, что в этом доме делают аборт. Никакая она не акушерка, мама, а убийца детей. Кто тебе сказал? Отец Хуан. А ему-то откуда знать? Он исповедует весь район, мама, еще бы он не знал. А ему не положено разве хранить тайну исповеди? Он же не сказал, кто делал аборт, сказал только, где их делают. А это не входит в тайну исповеди? Нет. Кто тебе сказал, что нет? Отец Хуан. Раньше Элена, следуя за дочерью, тоже не ступала на шахматную плитку, они переходили дорогу и шли по другой стороне улицы, а потом переходили обратно, будто плитка могла заразить их чем-то нехорошим или сделать их соучастницами убийств, будто ступить на нее – грех. Но Риты больше нет, кто-то убил ее, Элена знает, хоть все и твердят, что это не так, и даже из уважения к ее памяти Элена не может себе позволить совершить такой маневр, чтобы продолжить традицию, заведенную умершей дочерью. Вот здесь, на этом тротуаре, Рита познакомилась с Исабель, думает она, с женщиной, которую она сегодня едет искать. Она впервые связала одно с другим и ступает на шахматную плитку спокойно и твердо, будто наконец обнаружила смысл в этой клетке, которую ее дочь столько раз проклинала. Пройдя второй квартал, она задумывается. Если идти прямо, ей останется всего лишь три квартала до станции, до окошка, в которое нужно будет сказать: «До Пласа-Конститусьон, туда и обратно», – но этот путь ведет ее мимо дверей банка, там сейчас выдают пенсию, а значит, вполне вероятно, она кого-то там встретит, и этот кто-то наверняка примется выражать соболезнования, и ей придется задержаться, и тогда она точно опоздает на десятичасовой поезд. А если обходить банк, придется прибавить к маршруту лишних три квартала, что значило бы просить у болезни слишком многого. Элена не любит у Нее

одалживаться. Не нужно никаких поблажек: иначе потом Она заставит Элену заплатить за них сполна. Элена знает. Элена знает Ее почти так же хорошо, как знала собственную дочь. Вот сука эта болезнь. Раньше, когда ей только-только стало тяжело влезать в левый рукав жакета, когда она еще не слышала о мадопаре и леводопе и ее приволакивающая ногу походка еще не обрела имени, когда шея еще не вынуждала ее вечно смотреть себе под ноги, – уже тогда она старалась не ходить мимо банка. В те времена не было риска нарваться на знакомых с их соболезнованиями; она это делала, чтобы избежать встречи с Роберто Альмадой, другом Риты, сыном парикмахерши. Он мой парень, мама, в твои годы парня быть не может, а как я, по-твоему, должна его называть? Роберто – и все, этого вполне достаточно. Но на сей раз у нее нет сил. Шагая по серой плитке, самой крупной и блестящей на ее маршруте, Элена понимает, что проходит мимо банка. Плитка с высокой проходимостью, Элена, производится у нас, а по качеству не хуже итальянской, – Роберто заводил свою пластинку всякий раз, когда в разговоре всплывала эта тема. Он работал в банке с восемнадцати лет. Элена краем глаза видит сбоку линию ботинок, которые выстроились в очередь у дверей банка. Хозяев ботинок Элена видит лишь до колена. Ей не попадают на глаза ни кроссовки, ни джинсы. Лишь изношенные мокасины, эспадрильи да одна туфля без задника, обхватывающая перебинтованную до щиколотки ступню. И ноги – фиолетовые, отечные, исчерканные венами, все в пигментных пятнах и родинках. Стариковские ноги, думает она, ноги стариков, которые боятся, что кончатся деньги. Она не смотрит: боится узнать кого-то и шагает, не останавливаясь. Когда очередь заканчивается, линия ботинок слева исчезает и она наконец чувствует себя в безопасности, до нее вдруг доносится:

«Добрый день, Элена», – но она идет дальше, притворяясь, будто не услышала. И тогда тот, кто с ней поздоровался, ускоряет шаг, догоняет ее и касается ее плеча. Это Роберто Альмада, которого Рита упорно называла «мой парень». Атрофированный, как говорила Элена, чтобы позлить дочь. Или горбунок, как звали его в округе, пока он был маленький. Но теперь его горб Элене не виден: ее обзор еле-еле доходит ему до груди, а спина Роберто начинает кривиться лишь над правой лопаткой. «Здравствуйте, донья Элена», – повторяет он; это обращение будто пригвоздило Элену к тротуару, теперь ей не уйти. «А, Роберто, а я тебя не узнала, наверное, из-за ботинок – новые, да?» Роберто смотрит на свои ботинки и отвечает, да, новые. Оба замолкают – изношенные туфли Элены напротив ботинок Роберто. Роберто неловко переминается с ноги на ногу. «Мама шлет вам привет и говорит, чтобы вы заглядывали в парикмахерскую, когда пожелаете, и, если вам все понравилось в прошлый раз, она вам бесплатно сделает стрижку и укладку». Элена благодарит, хоть и знает: в тот вечер, когда она была в парикмахерской в прошлый и единственный в жизни раз, умерла ее дочь. Мысли Элены обращаются было к тому дню, но она сдерживается: сейчас она не может позволить себе эту роскошь. Вернуться в тот вечер – значит опоздать на поезд, и она усилием воли остается здесь, напротив Роберто. Единственное, что ей нужно в парикмахерской, – это чтобы ей удалили волосы над верхней губой, нависающие, будто тень, и чтобы подстригли ногти на ногах. Ногти на руках она стрижет или подпиливает сама, а вот на ногах – нет. Она давным-давно до них не дотягивается, после смерти Риты ноготь большого пальца отрос и теперь впивается в носок обуви, Элена боится, что в конце концов он сломается или, хуже того, пропорет истончившуюся кожу туфли. Рита стригла ей ногти раз в две недели, приносила таз теплой воды, кидала туда кусок белого мыла, чтоб разошлось и смягчило отвердевшую кожу, и чистое полотенце – всегда одно и то же, она стирала его после каждого раза и убирала вместе с тазом. Подстригая Элене ногти, она морщилась от отвращения, но продолжала свое дело, пытаясь не глядеть на слоющиеся старческие ногти, грязные и раздутые, как сухая губка. Она ставила Эленину ступню себе на колени и приступала. Закончив, мыла руки со стиральным порошком – один раз, другой, третий, а иногда заявляла, что нужно продезинфицировать полотенце на случай грибка, и мыла руки чистой жавелевой водой. А как же обходятся те, у кого нет дочери, чтобы

стричь им ногти? У них так и растут, причем грязные, мам. «Я перевел вашу пенсию на сберегательный счет, как договаривались», – говорит Роберто, а Элена еще раз благодарит его и забывает о ногтях. После смерти Риты Роберто предложил забирать ее пенсию сам, чтоб ей в ее состоянии не стоять в очередях. В каком состоянии, Роберто? – спросила тогда Элена. Ну чтоб вам не утруждаться, а с каких это пор ты переживаешь, утруждаюсь я или нет, я всегда переживал за вас, Элена, и еще из-за вашей болезни, не будьте несправедливы, пошел ты к черту, Роберто, сказала она, но его предложение приняла. Раньше этими вещами занималась Рита, но теперь ее нет, и, хоть Элене и не нравился Роберто, полезно было иметь друга в банке. Если б вы знали, как мне не хватает вашей дочери, говорит он, и Элену эти слова бесят так же, как взбесили бы наверняка слова из писем, которые она, не прочитав, сложила в коробку от телевизора, подаренную соседом; так они и лежат там, перевязанные лентой, которую выбрала для них сама Рита. Элена знает: он не мог убить Риту. Не потому, что он там говорит, и не потому, где он был в тот день, и не потому, что у него бы рука не поднялась, а потому, что такому скособоченному с Ритой в жизни не сладить. Очень мало кто смог бы с ней сладить, и все же правда ускользает от Элены, она не может понять, кто убил ее дочь, поэтому ей нужна помощь: нет ни обвиняемых, ни даже подозреваемых, ни мотивов, ни версий, а только одна лишь смерть. Я спешу, опаздываю на поезд в десять, говорит Элена и начинает поднимать ногу, чтобы начать движение, но тут он спрашивает: вы не боитесь ездить одна? Я живу одна, Роберто, отвечает она, не прерывая начатого шага. И только тогда, после краткой паузы, он говорит: конечноконечно, идите. Но Элена уже уходит к станции, она косит углом глаза на плитку и знает, что Роберто все еще стоит позади и смотрит на нее, потому что его ботинки застыли на месте и не двигаются, два черных кожаных пятна, которые блестят не хуже плитки под ногами и указывают направление ее движения, а она уходит одна, без сопровождения, и ноготь большого пальца впивается в носок туфли, пока она идет по дороге, которая два квартала спустя выведет ее к кассе, где она возьмет билет, крепко сожмет его в кулаке, уберет в карман жакета, спустится по лестнице, пройдет туннель, пропитанный запахом мочи, поднимется на платформу и примется – усталая, согбенная – ждать своего поезда.

4

Риту нашли повешенной на церковной колокольне. Она была мертва. Это произошло дождливым вечером, да-да, дождливым – это, Элена знает, немаловажная деталь. И пускай все говорят, что это самоубийство. Друзья, знакомые, все. Но как бы они ни настаивали на своем, как бы ни отмалчивались, бесспорно вот что: когда собирался дождь, Рита и близко не подходила к церкви. Она бы в жизни туда не пошла, сказала бы Элена, спроси ее кто об этом раньше. Но теперь нет смысла говорить «в жизни», потому что на колокольне обнаружили безжизненное тело, которое уже не было ее дочерью, на колокольне в дождь, и Элена все не могла понять, как Рита туда попала. С самого детства Рита боялась молний и прекрасно знала, что крест на церкви их притягивает. Это наш местный громоотвод, объяснил ей когда-то отец, и было ему невдомек, что с тех пор Рита никогда не пойдет мимо церкви в грозу. Когда собирался дождь, Рита ни за что не приближалась ни к церкви, ни к дому Инчауспе – тогда в их районе это был единственный дом с бассейном. Вода – лучший проводник электрического тока, поэтому бассейн вроде магнита, так сказал по радио какой-то инженер; рассказывали про несчастный случай в провинциальном клубе, там в грозу молнией убило двоих ребят, которые полезли плавать, несмотря на объявление «купаться запрещено». Даже если потом в округе появились новые бассейны или громоотводы, Рита предпочитала об этом не знать, потому что от такого рода знаний на нее находил паралич. Не ступать на тротуар возле дома, где делали аборт, в дождливые дни не ходить в церковь и не приближаться к дому Инчауспе – этих ограничений было вполне достаточно, и новые ей были ни к чему. И так уже, столкнувшись на улице

с рыжим, она трогала правую ягодицу и бормотала тем же тоном, каким читала «Отче наш», ух, рыжий, черт бы тебя побрал, и касалась правой рукой левой груди, если ктонибудь упоминал Либерти, бедного старика, про которого в их районе говорили, что он приносит несчастье, потому что он все время оказывался в ненужное время в ненужном месте: возле дома Феррари, когда на тот упала сосна и проломила крышу, в очереди в банк, когда у вдовы де Ганде украли пенсию, на перекрестке, когда доктор Бенегас на новенькой машине въехал в мусоровоз, и в прочих подобных обстоятельствах. Уж лучше не знать, говорила Рита. Начав работать в приходской школе – ей было тогда всего семнадцать, со смерти ее отца прошло лишь несколько недель, и отец Хуан ходатайствовал за нее перед Советом сотрудничества, чтобы ей, несмотря на юный возраст, передали пост, который занимал покойный, – Рита научилась выдумывать отговорки, когда в дождливые дни ее посылали по делам в церковь. Отговорки были самые разные: срочная работа, головная боль, боль в животе, даже притворные обмороки. Чтобы не приближаться в дождь к кресту на колокольне, годился любой предлог. Так было всегда. И Элена думает и знает, что это не могло вдруг разом перемениться даже в день Ритиной смерти. И пускай никто ее не слушает, пускай всем плевать. Раз ее дочь нашли на колокольне в дождливый день, значит, кто-то затащил ее туда, живую или мертвую. Кто-то или что-то, ответил Элене инспектор Авельянеда, полицейский, который ведет Ритино дело. Почему вы сказали «что-то», инспектор? Что еще за «что-то»? Да так, сам не знаю, ответил Авельянеда. Не знаете – не говорите, отчитала его Элена.

Ее обнаружили мальчишки, которым отец Хуан поручил залезть наверх и позвонить в колокола перед семичасовой мессой. Они спустились с воплями и помчались по центральному проходу в ризницу. Отец Хуан не поверил им, а ну пошли отсюда, черти, но мальчишки стояли на своем и силой потащили его с собой на колокольню. Тело болталось на веревке, а веревка – на той самой балке, к которой крепился бронзовый колокол. Неизвестно, каким чудом эта потрепанная веревка выдерживала Ритин вес достаточно долго, чтоб ее настигла смерть. Ее забыли на колокольне вместе с несколькими деревянными досками во время последней чистки купола, как Элена выяснила позже, читая материалы дела. Боже ты мой, прошептал отец Хуан и, хотя сразу же узнал Риту, не произнес ее имени, будто бы не узнал, поднял стул, валявшийся прямо под телом, и влез на него, чтобы пощупать Ритин пульс. Она мертва, сказал он, хотя мальчишкам это было ясно: они множество раз играли в мертвецов, в полицейских и грабителей, они стреляли и убивали понарошку и потому точно знали – женщина, висящая под колоколом, не притворяется. Отец Хуан отвел их обратно в ризницу той же дорогой, но на сей раз заставил перекреститься и легонько преклонить колени, проходя мимо алтаря, где лежали уже освященные облатки. Обождите здесь, сказал он, а я вызову полицию. Он попросил комиссара, чтобы полицейские приехали после мессы: прихожане уже заходили в церковь, и ему не хотелось отменять службу, тем более что был праздник Тела и Крови Христовых, праздник Пресвятой Евхаристии, четверг, следующий за Днем Святой Троицы, и потом, комиссар, этой женщине уже никак не помочь, разве что молитвами. Комиссар пообещал ему не прерывать мессу. Мертвый уже мертв, отец, или, вернее сказать, мертвая, а для людей это будет удар, жуткий удар, уж лучше пускай спокойно себе разойдутся по домам и узнают обо всем завтра наутро. А что семья? Вы их знаете, отец? Семьи у нее нет, комиссар, только мать, она очень больна, уж не знаю, как она это примет. Об этом не беспокойтесь, отец, это мы возьмем на себя, как говорится, богу богово, а кесарю кесарево. Комиссар повесил трубку и принялся отдавать распоряжения. Времени, которое попросил у него отец Хуан, как раз хватало, чтобы вызвать дежурный наряд, собрать пару агентов и известить судью. Обождите здесь, пока я не вернусь, и даже не вздумайте никуда уходить, Бог смотрит на вас, сказал мальчишкам отец Хуан, облачаясь в сутану, пока что никому ни слова, добавил он, но в этом не было необходимости: мальчишки онемели, погрузившись в глубокое кресло в ризнице.

В колокола перед мессой не звонили, но месса состоялась. Если б кто-то с хорошей памятью тогда прислушался, он вспомнил бы потом, что тишину нарушал лишь стук капель во дворе. Но никто тем вечером не обратил внимания на дождь – никто, кроме Элены. Элена знает: чтобы запомнить детали, нужна смелость, а нам не дано выбирать, трусом родиться или смельчаком.

Отец Хуан произнес: «Во имя Отца», – все встали и перекрестились, стоя спиной к телу, которое висело всего лишь в нескольких метрах от них, наверху, но они об этом не знали. В церкви было человек двадцать, мокрые зонты валялись на сиденьях – в тот день много мест пустовало. Из алтаря отцу Хуану был виден балкон, где располагался орган и где по воскресеньям пел хор. Возле органа – нижние ступеньки лестницы, ведущей на колокольню. Раньше он никогда не замечал, что их видно из алтаря. Я питал бы их туком пшеницы и насыщал бы их медом из скалы, аллилуйя. Перед символом веры в церковь вошел первый полицейский. Деревянная дверь с шумом распахнулась, и многие прихожане обернулись взглянуть, кто это пришел к мессе так поздно, что в этом уже не было смысла. Странно было видеть на семи-часовой мессе полицейского, да еще в форме, но он тут же снял мокрую фуражку, перекрестился и сел в последнем ряду, будто бы пришел послушать слово Божье. Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал. Но после приношения даров вошли еще двое полицейских, и, хоть они оба тоже сняли мокрые кепки и перекрестились, этого оказалось недостаточно, чтобы развеять подозрения прихожан, полицейские поняли это и попытались прикрыть кепками табельное оружие на поясах. Среди молитвы зрел ропот. Многие женщины торопливо похватили сумки, лежавшие на лавке спереди, и повесили их на плечо: некоторые испугались, что полицейские преследуют в церкви грабителя и что, убегая, он наверняка прихватит еще и сумку, которая плохо лежит; другие почувствовали, что нечто пока неясное, но неотвратимое с минуты на минуту вынудит их броситься наутек; остальные просто посмотрели на соседок и последовали их примеру. Да испытывает же себя человек, и, таким образом, пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей, ибо кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе. Когда те, кто имел право причаститься, а также те, кто причастился, несмотря на то что такого права не имел, возвращались от алтаря по боковым проходам с прилипшей к небу облаткой, раздались первые звуки, неясный шум, источник которого определить не удалось, а потом глухой удар. Все головы обернулись и задрались вверх, а отец Хуан лишь поднял глаза. Трое полицейских нахлобучили кепки и бросились наверх. На Тебя, Господи, уповаю, на тебя устремлены очи. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Стоя в алтаре и убирая облатки, оставшиеся от причастия, отец Хуан видел, как полицейские стремительно поднимаются по ступенькам и один за другим скрываются из виду. Прихожане тоже следили за ними, а потом перевели взгляд на отца, будто прося объяснений. Приступает к Жертве правый, приступает и лукавый, но приемлют разное⁴. Веревка, привязанная к колокольной балке, в конце концов не выдержала, узел развязался под тяжестью тела, и мертвая Рита лежала теперь на полу под колоколом. К жизни ль новой возрожденье, или суд и осужденье, скверне сообразное. Отец поднялся и прошел в центр алтаря, чтобы в последний раз благословить паству. Ибо Ты живешь и царствуешь во веки веков. Идите в мире Христовом. Пожалуйста, выходите из церкви и отправляйтесь по домам, здесь вы не можете ничем помочь ни себе, ни другим. Отец Хуан проводил верующих до дверей и по настоянию некоторых вынужден был сообщить, что на колокольне кто-то повесился, но не сказал, кто это был, и, когда последний из прихожан покинул здание, он вновь поднялся на колокольню своего храма. Помимо трех полицейских он нашел там человека в штатском; отец Хуан не видел,

⁴ Здесь и далее фрагменты из «Секвенции на праздник Тела Христова» (Lauda Sion) Фомы Аквинского приводятся в переводе С. Аверинцева.

как он сюда прошел. А вы кто такой? Это судья, который будет вести дело, ответил один из полицейских. Судья делал пометки в блокноте, один из полицейских обводил мелом контуры Ритино тела на бетонном полу, еще один делал фотографии, а последний аккуратно складывал веревку, которая еще несколько минут назад обвивала Ритину шею, в полиэтиленовый пакет. Под внимательными взглядами судьи и священника он подписал пакет: «Вещественное доказательство номер один». Это было одно из немногочисленных доказательств, фигурировавших в Ритином деле.

5

Элена ждет, сидя на скамейке на станции. Сквозь ткань юбки просачивается холод бетона. Продавец хотдогов греет воду для сосисок. Народу немного, она предпочла бы еще поменьше, но, когда поезд придет и она залезет в вагон, ей, должно быть, удастся найти свободное место. Более ранние поезда, и семи-, и восьми-, и даже девятичасовой, Элена знает, ей не годятся: слишком много народу ждет на перроне, слишком много народу пытается втиснуться в вагон через ту же дверь, что и она сама, слишком много народу сидит внутри. Но тем, кто рано встает каждое утро, чтобы не опоздать на работу: в офис, в школу, в банк, – этим людям десятичасовой поезд уже не подходит. Он не подходит даже тем, кто занимается торговлей: они добрались бы до площади Конститусьон только к одиннадцати, а к этому часу город, куда они едут, уже утомлен бесконечной суетой. Если вынести за скобки всех этих людей, вынужденных вставать ни свет ни заря, то остальных, тех, что могут начать день попозже и отправиться в город на десятичасовом поезде вместе с Эленой, не так уж и много. Группка подростков на пороге взросления: хохочут, обхватив портфели, то и дело пихают друг друга, чтоб никто не упустил только что брошенной шутки. Пара мужчин в костюмах на разных концах перрона, оба читают одну и ту же газету, а может, одну и ту же новость, одно и то же слово, сами того не подозревая. Препирается супружеская пара: муж купил чересчур дорогие таблетки. Поезд до Пласа-Конститусьон прибудет в десять часов ноль одну минуту на платформу номер два, неразборчиво выплевывает голос из динамиков. На скамейку к Элене подсаживаются мать и дочь. Девочка не достает до земли ногами, Элена видит, как она болтает ими в воздухе. Элена знает: девочка разглядывает ее. Она тянется к матери и что-то шепчет ей на ухо, я тебе потом объясню, отвечает мать, и девочка принимается болтать ногами чуть быстрее прежнего. Элена смотрит прямо перед собой, на высоте, дозволенной Ею; внизу, возле платформы напротив, скопился мусор. Элена знает: часть его со временем исчезнет, другая переживет ее. Пластиковые бутылки, стаканчики из пенопласта, расколотые бетонные блоки. Кто-то проходит мимо, насвистывая. Свист потихоньку выцветает в воздухе, пока его не перекрывает мощный далекий шум. Ноги у Элены начинают дрожать, и она спрашивает себя: это пол дрожит или она сама изза болезни? Ответа у нее нет, и все же она хватается покрепче за край скамейки, почти что инстинктивно, потому что прекрасно знает: здесь, на этом перроне, на этой скамейке, не может произойти ничего плохого, и стены эти устали дрожать без всяких последствий и без свидетелей, кроме нее самой. Женщина с девочкой встают и подходят к краю перрона, мать берет дочь за руку и тащит за собой, приговаривая: скорее, скорее, – а у девочки заплетаются ноги, потому что, идя вперед, она все время оглядывается назад, туда, где Элена пытается подняться с той самой скамейки, на которой только что сидела она и болтала ногами. Мама, что такое с этой тетей? – спрашивает она, я тебе потом объясню, снова говорит мать. Вагоны проносятся перед взглядом Элены единой полосой, будто молния, их вес с силой ложится на рельсы, не слышно ничего, кроме ударов металла о металл. Постепенно молния замедляется, шум стихает, и становятся слышны другие звуки; рисунок, до того размытый от быстрого движения, приобретает контуры, на нем проявляются окна, а за ними – люди, которые едут в вагонах, как поедет и сама Элена, когда сумеет войти внутрь. Двери открываются, раздается шипение, выходит сжатый

воздух, Элена спешит к дверям, чтобы они не успели закрыться, оставив ее снаружи. Многие хотят войти в вагон, и Элена прижимается к чьей-то спине впереди себя, чтобы втиснуться в поезд вместе с ее обладателем. Раздается свисток, кто-то подталкивает ее сзади, и она ему за это благодарна. Оказавшись в вагоне, она осматривается в поисках свободного места, любого, только бы поближе, находит и направляется к нему. Вагон легонько покачивается, будто колыбель. Поезд набирает скорость, и качка прекращается. Мимо нее нетерпеливо протискивается парень, задевает ее плечом и быстро удаляется. Навстречу движутся мужские ноги, они приближаются к ней и замирают.

«Разрешите пройти», – говорит мужчина, Элена пытается потесниться, но ей удается сдвинуться лишь на несколько миллиметров, и мужчина вновь повторяет: «Сеньора, позвольте пройти», – и она бы ему позволила, но уже сделала все, что могла, и тогда мужчина разворачивается боком, тянется вверх, вскидывает рюкзак над головой и проскальзывает мимо нее. Она видит свободное место двумя рядами дальше и направляется к нему, но ее опережает какая-то женщина; Элене видна только ее юбка, красная в цветочек, юбка вздымается при каждом движении, а потом женщина садится, и юбка исчезает из виду. Элена вынуждена начать поиски сначала: она вскидывает взгляд и, наморщив лоб, пытается немного приподнять голову. Когда ей это удается, она молниеносно оглядывает вагон в поисках свободного места, находит и удерживает в памяти, затем возвращает голову на дозволенную Ею высоту. Элена знает: есть пара свободных мест в конце вагона, но, чтобы добраться до них, ей придется пройти весь вагон. Она поднимает правую ступню, проносит вперед и не успевает опустить, как кто-то похлопывает ее по руке. «Садитесь, сеньора», – говорит ей мужчина, чье лицо она не видит, она благодарит и садится. Мужчина встает, проходит в конец вагона и садится на свободное место. Элена устраивает сумку на коленях; сидящий возле окна мужчина отбивает ладонью по колену такт музыки, слышной только ему, хоть бы только он ехал до конечной и не просил пропустить к выходу, думает Элена, и в ту же секунду мужчина говорит: «Вы позволите, сеньора?» – и, не дожидаясь ответа, встает в крошечном пространстве между своим сиденьем и спинкой впереди стоящего кресла, и ждет, пока она сдвинет ноги, перенесет их в проход, освободит ему дорогу к выходу, пока поезд не подъехал к следующей станции. «Вы позволите?» – повторяет мужчина, и Элена говорит ему: проходите-проходите, – но не шевелится.

6

Тело отдали не сразу, но, как только с формальностями было покончено, Риту похоронили как полагается. На прощание явились все: отец Хуан, учителя и другие сотрудники приходской школы, соседи и даже пара школьных приятельниц, с которыми Рита время от времени продолжала видеться. Роберто Альмада, Мими, его мать и девушки из ее парикмахерской (на двери поверх рекламы «Л'Ореаль» в тот день повесили объявление «Закрето в связи с трауром»). Гроб Элена выбрала сама, как и фурнитуру, и цветочный венок с позолоченными буквами – «От твоей матери». Может, кто-то из родственников вам поможет? – спросили ее в бюро ритуальных услуг. У меня нет родственников, ответила Элена. Она говорила – и плакала, и никак не могла перестать. Раньше она не плакала почти никогда, но с тех пор, как ее телом завладела эта сукаблезнь, она больше даже слезам своим не хозяйка. Ей хотелось бы перестать, но она не может, и плачет, и плачет, слезы вытекают из уголков глаз и катятся по неподвижному лицу, будто поливают пустошь. И кто их только просил, зачем они вообще текут? Элена выбрала самый дешевый деревянный гроб не только потому, что лишних денег не было, но и для того, чтобы он как можно скорее разложился. Она никогда не понимала, зачем люди выбирают гробы из благородных сортов дерева, которые долго-долго лежат под землей, нетронутые гниением. Если веришь, что все мы прах и в прах возвратимся, для чего же тогда откладывать возвращение? Они выбирают гроб получше, чтоб во время прощания

пустить гостям пыль в глаза, думает она, для чего же еще, ведь ни гроб, ни его содержимое не будут храниться, их предназначение – сгнить, чтобы черви пожрали дерево и тело, которое уже не хранит ничего внутри, которое больше никому не принадлежит – оно как пустой пакет, как стручок без семян. Все время прощания Элена просидела у гроба на пластмассовом стуле. Какой же это ужас, Элена, то, что с ней произошло, сказал кто-то, принесся соболезнования. А что с ней произошло? – спросила Элена, и говоривший умолк, решив, что Элена на самом деле не хочет знать, что она одурманена лекарствами или скорбью. Но Элену не одурманить, она держится, она знает и ждет. С поникшей головой, волоча ноги, не видя ни дороги, ни того, что ее на этой дороге ждет, – Элена держится, хоть и растеряна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.